

На правах рукописи

Е.И.

Кривошеева Елена Игоревна

**ПРОЯВЛЕНИЕ ИКНИЗМА В ЗВУКОПОДРАЖАНИЯХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯПОНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

10.02.19 — теория языка

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Кемерово 2015

Работа выполнена на кафедре русского языка и литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина» (ФГБОУ ВПО «АГАО»).

Научный руководитель: **Трофимова Елена Борисовна**, доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Алпатов Владимир Михайлович**, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института языкознания РАН;

Шляхова Светлана Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков и связей с общественностью Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Сахалинский государственный университет»

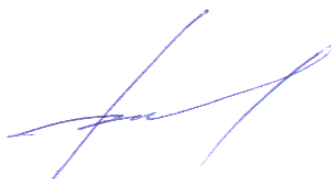
Защита состоится 04 апреля 2015 г. в 14:00 на заседании диссертационного совета Д 212.088.01 в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» по адресу: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Кемеровского государственного университета и на сайте <http://www.kemsu.ru>

Автореферат разослан _____ 2015 г.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте КемГУ <http://d01.kemsu.ru/Disser/Index?pageid=3&moduleid=1&advertexaminescandidateid=193&alias=http%3A%2F%2Fd01.kemsu.ru%2Fpages%2Fadvert>

Ученый секретарь
диссертационного совета

Т. В. Артемова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В настоящее время широко известно, что способность звука выражать различные незвуковые впечатления связана с изначальной ролью в жизни человека различных, в том числе и «речевых», звучаний и представляет собой содержательность языковых единиц на фонетическом уровне.

Данная работа посвящена исследованию иконизма на материале звукоподражательной лексики японского и русского языков. Общеизвестно, что звукоподражания принято относить к периферийному классу слов, однако существуют проблемы, решать которые, не привлекая данный пласт лексики, не представляется возможным. Сюда, прежде всего, следует отнести вопросы, связанные с происхождением языка, а также со степенью соотнесенности мотивированности / конвенциональности в языках мира. А. В. Циммерлинг отмечает, что в настоящее время в мировой лингвистике наиболее фундаментальными и актуальными для исследования представляются две темы: «проблема мотивированности языковой формы и проблема автономности либо взаимообусловленности языковых подсистем» [Циммерлинг 2000]. Если на протяжении двух столетий не снимается вопрос о взаимоотношении физической и ментальной составляющей языковых явлений, то отрицать значимость данной проблемы, по меньшей мере, неправильно.

Безусловно, имеется достаточное количество работ, посвященных иконизму в целом и звукоподражательной лексике в частности.

Теоретической и методологической базой исследования послужили труды ученых:

— *в области теории лингвистического знака и его иконических свойств:* В. М. Алпатова, С. В. Воронина, В. фон Гумбольдта, О. Есперсена, А. П. Журавлева, В. В. Левицкого, А. Б. Михалева, Ч. Морриса, Ч. Пирса, В. В. Рыбина, Э. Сепира, К. Я. Сигала, Ф. де Соссюра, С. В. Чиророва, С. С. Шляховой, У. Эко, Р. Якобсона, А. Fischer, S. Hamano, K. Akita,

R. Brown, M. Magnus, A. Cutler, D. Norris, T. Otake, K. Haruhiko, J. Bruch, Sh. Kawahara, I. Tamori, L. Schourup;

— *в области когнитивной лингвистики:* А. Вежбицкой, А. В. Кравченко, Е. С. Кубряковой;

— *в области психолингвистики и теории восприятия речи:* А. Б. Венцова, Л. Р. Зиндера, В. Б. Касевича, А. А. Леонтьева.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, предполагается, что сами звуки речи могут быть информативны и при формировании номинации способны передавать и отражать признаки предмета в его имени: «Звучание и значение слова стремятся к взаимному соответствию, которое можно получить только путем вычисления фонетической значимости слов и сопоставляя полученные результаты с признаковым аспектом их значения» [Журавлев 1991]. Во-вторых, существует достаточное количество работ, указывающих на наличие у носителей разноструктурных языков общей основы, позволяющей давать содержательную оценку отдельным звукам и их комбинациям не только в родном языке, но и в других языках (В. В. Левицкий, А. П. Журавлев, G. Ivanova, S. Hamano, K. Akita). В первом случае указанный вид иконизма может быть определен как внутриязыковой, а во втором — как межъязыковой. Однако вопрос о степени проявления этих видов иконизма остается не до конца решенным, поэтому в работе исследуются оба типа иконизма.

Объектом исследования является звукоподражательная лексика разносистемных языков — русского и японского; **предмет** исследования — особенности процесса восприятия звукоподражательных слов разносистемных языков носителями иностранных языков.

Материалом для исследования послужили звукоподражательные слова японского и русского языков, представленные в лексикографических источниках.

Целью исследования является определение проявлений иконизма на материале звукоподражательной лексики японского и русского языков.

В соответствии с поставленной целью исследования необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) проанализировать исследования, представляющие знаковую природу языка, а также обобщить существующие концепции в области иконизма;
- 2) сравнить фонетическую систему японского и русского языков; определить общее и различное;
- 3) определить соотнесенность моры и слога (в психолингвистическом эксперименте с носителями русского языка);
- 4) установить способы и границы сегментации слов японского языка по данным диагностического эксперимента с использованием компьютерной программы WaveSurfer [Digital Audio Editor Cross Platform 2011];
- 5) диагностировать уровень опознавания носителями японского и русского языков набора звуков, составляющих звукоподражания неродного языка;
- 6) определить особенности восприятия эмотивных характеристик звукоподражаний русского и японского языков носителями неродного языка по результатам психолингвистического эксперимента с использованием модифицированной методики семантического дифференциала;
- 7) выявить экспериментальным путем соотнесенность звукоподражаний разносистемных языков с обозначаемым объектом, как звучащих, так и «незвучащих» (в японском языке) и определить стратегии, используемые при их опознавании носителями других языков.

Специфика поставленных задач обусловила использование следующих **методов и приемов** исследования: прием целенаправленной выборки при отборе материала исследования; описательный метод при сопоставительном анализе звукотипов русского и японского языков; модифицированная методика метода семантического дифференциала для сопоставления результатов психолингвистического эксперимента с носителями родного и неродного языков.

Научная новизна работы обусловлена: а) привлечением материала звукоподражаний японского языка к исследованию проблемы иконизма;

б) использованием методики, позволяющей определить два способа проявления иконизма: внутриязыковой и межъязыковой.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что использование экспериментальной методики позволило уточнить представление о специфике соотносительности моры и слога, до сих пор не имеющей однозначной трактовки. Введено противопоставление понятий «внутриязыковой иконизм» и «межъязыковой иконизм». Установлено наличие связи между эмотивностью и опознаваемостью звукоподражаний неродного языка.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в преподавании курсов «Теория языка», «Психолингвистика», в спецкурсах по фоносемантике, а также при изучении художественно-образительных свойств поэтических и прозаических произведений как русского, так и японского языков.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Ритмическая единица японского языка — мора, функционально, но не структурно соотносимая со слогом, в восприятии носителей русского языка перестраивается в соответствии со слоговым членением слов.

2. Распознавание звуковых оболочек слов при непосредственном (слуховом) восприятии отдельных звукоподражаний японского языка носителями русского языка и русских звукоподражаний носителями японского языка свидетельствует о близости на уровне акустики звукового состава указанных единиц.

3. Высокий уровень опознавания звукоподражаний в неродном языке определяется близостью фонетического состава звукоподражаний в двух языках, тождеством слоговой структуры, ассоциациями с лексическими единицами родного языка.

4. Несоотносимость уровней опознавания отдельных иноязычных звукоподражаний носителями русского и японского языков обусловлена различием в оценке слоговой структуры, влияющей на восприятие носителей дру-

того языка, а также несовпадением традиционных транскрипций в родном и неродном языках.

5. Характер эмотивности влияет на опознавание звукоподражаний, а следовательно, является составляющей частью иконизма. В данном классе слов сами звуки не только формируют значение, но и обуславливают проявление положительной или отрицательной эмотивности.

6. Результаты эксперимента на восприятие японских звукоподражаний, передающих состояния или характеристики как одушевленных, так и неодушевленных предметов, а также обозначающих психические и физические явления, показали низкий уровень межъязыкового иконизма, соответствующий, по В. фон Гумбольдту, второму типу иконизма: «подражание ни звуку, и ни предмету, а некоторому внутреннему свойству, присущему им обоим».

7. Внутрязыковой иконизм представлен фонетической мотивированностью звукоподражаний, характерной только для одного языка. Межъязыковой иконизм проявляется через один и тот же принцип мотивированности, положенный в основу соотнесения плана выражения и плана содержания в двух языках.

Апробация работы. Основные результаты и содержание исследования обсуждались на следующих конференциях: II Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы востоковедения: диалог цивилизаций» (Хабаровск, 25 марта 2009 г.); Международный лингвокультурологический форум «Язык и культура: мосты между Европой и Азией» (Хабаровск, 20 ноября 2010 г.); XVII Международная научно-практическая конференция «Художественный текст: варианты интерпретации» (Бийск, 24-25 мая 2013 г.); «18th Biannual Conference of the Japanese Studies Association of Australia» (Канберра, 8-11 июля 2013 г.); VI Международная практическая конференция «Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: языковой знак в аспекте синхронии и диахронии» (Бийск, 6-8 октября 2014 г.); VI Международная научно-практическая конференция «Актуальные

проблемы востоковедения» (Хабаровск, 20 ноября, 2014 г.). Результаты исследования представлены в 8 печатных работах общим объемом 4,3 п. л.

Личный вклад соискателя заключается в постановке цели и задач исследования, в обосновании положений, выносимых на защиту, в разработке методики исследования и ее реализации на конкретном материале, в интерпретации полученных результатов.

Структура и объем диссертации определены поставленной целью и задачами исследования. Общий объем работы составляет 165 страниц (148 страниц основного текста). Диссертация носит экспериментально-теоретический характер и состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 186 наименований, 72 из которых — на японском и английском языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются цель и задачи работы, характеризуются ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, указываются методы и материал исследования, а также излагаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Теоретические основания изучения межъязыкового иконизма»** посвящена рассмотрению теоретических вопросов, составляющих основу для дальнейшего практического исследования. В главе дается анализ теоретических концепций структуры языкового знака, его компонентной представленности и характера соотношенности его составляющих. Поскольку в различных лингвистических концепциях структура знака трактуется по-разному (как односторонняя, двусторонняя, трехсторонняя, четырехсторонняя или еще более сложная сущность), данный вопрос остается в науке не до конца решенным. Исследуемая проблема рассматривается в русле как системоцентрического, так и антропоцентрического подходов.

Отметим, что большинство ученых разделяет мнение о том, что в языковом знаке находят своё отражение как мотивированная, так и произвольная

составляющие. Соотношение иконичности / конвенциональности непосредственно связано с характером номинации. С точки зрения семиотики, иконические слова являются звукоизобразительными, а с точки зрения теории мотивированности — относятся к фонетически мотивированным словам.

Языковая иконичность в работе представлена двумя составляющими: звуко-символической (образоподражательной) и звукоподражательной лексикой.

Звукоизобразительная лексика в японском языке обладает специфической структурой, традиционно охватывая следующие категории: *гионго* — подражания звукам живой природы, *гисэйго* — подражание голосам животных и людей, звукам неживой природы, а также *гитайго* — слова, образно или символично передающие состояния или характеристики как одушевленных, так и неодушевленных предметов, психологические состояния и физические явления подражания звукам неживой природы. Японские лингвисты используют термин *オノマトペ* *onomatope* «ономатопея», объединяющий все типы звукоизобразительных слов. В реферируемой диссертации автор исходит из определения, данного О. С. Ахмановой в «Словаре лингвистических терминов», которое уравнивает значения слов *звукоподражание* и *ономатопея* [Ахманова 2004: с. 157, 288]. Соответственно, термин звукоподражание используется для называния всех типов звукоизобразительных слов японского языка.

Рассмотрению звукового состава звукоподражательной лексики двух языков в работе предшествует характеристика особенностей фонетических систем японского и русского языков. Необходимость такого обзора продиктована тем, что звуковые системы двух неродственных языков кардинально отличаются не только по составу, количеству и качеству звукотипов, но и по характеру проявления фонетических процессов.

В процессе описания фонетической структуры японского языка в диссертации решается проблема, связанная с членением японского слова на слоги. По данному вопросу нет единого мнения ни в мировой, ни в японской лингвистике, в силу чего он до сих пор остается открытым. В связи с особен-

ностью исследования важным является вопрос о соотношении слога и моры. Выделение моры в качестве фонетической составляющей в организации японского языка представляется оправданным, однако в силу того, что данная работа включает исследование восприятия языковых единиц носителями как японского, так и русского языков, возникла необходимость проведения диагностического эксперимента с носителями русского языка, результаты которого приводятся во второй главе исследования.

Далее рассматриваются теоретические основы процесса восприятия речи непосредственно связанные с исследуемой в диссертации проблемой проявления иконизма на материале звукоподражательной лексики. Определяется необходимость установления роли моры в передаче информации, имеющего отношение к проблеме перцептивной сегментации речи в восприятии носителей русского языка.

Вторая глава **«Экспериментальное исследование проявления иконизма в звукоподражательной лексике на материале японского и русского языков»** состоит из двух частей: в первой представлена авторская семантическая классификация звукоподражаний в русском и японском языках в сопоставительном аспекте; во второй дается описание и интерпретация психолингвистических экспериментов, проведенных с носителями русского и японского языков. Эксперименты разделены на следующие группы: 1) диагностические, проводимые с целью определения валидности использования экспериментальной методики; 2) эксперименты по восприятию носителями каждого из языков звукоподражаний, обозначающих звуки живой / неживой природы в другом языке; 3) эксперименты по восприятию носителями русского языка японских звукоподражаний особого типа, не представленного в европейских языках (класс *гитайго*). Конечной целью серии экспериментов является определение уровня иконичности в звукоподражательных словах японского и русского языков как универсального средства сохранения идентичности между планом выражения и планом содержания, а также под-

тверждение или опровержение гипотезы о том, что иконизм носит межъязыковой характер.

С целью последующего отбора экспериментального материала был проведен сопоставительный анализ звукоподражаний двух языков, которые были отобраны методом сплошной выборки из толковых словарей и словарей звукоподражаний, распределены по следующим категориям в исследуемых языках: 1) звуки живой природы; 2) звуки неживой природы; 3) звуки, издаваемые человеком; 4) специфические звукоподражания, передающие состояния или характеристики как одушевленных, так и неодушевленных предметов, психологические состояния и физические явления (специфический подкласс звукоподражаний в японском языке). Была проведена конкретная градация по смысловым группам для удобства описания и внесения ясности в картину количественной представленности звукоподражаний в двух языках. Всего в указанных словарях автором насчитано 2096 японских и 47 русских слов данного страта лексики.

Анализ проведенного сопоставления позволяет говорить о том, что, по сравнению с русскими звукоподражаниями, японские отличаются богатством и разнообразием. Наибольшее количество соответствий наблюдается в категории *звуков живой природы*: 47 японских и 21 русских. В группах *звуки неживой природы* и *звуки, издаваемые человеком*, соотношения составили 144 / 14 и 58 / 12 соответственно. Как и предполагалось, в категории *звукоподражаний, передающих состояния или характеристики как одушевленных, так и неодушевленных предметов, психологические состояния и физические явления*, соответствий установить не удалось.

Прежде чем приступить к экспериментальной части исследования непосредственно звукоподражаний двух языков, необходимо решить вопрос о соотношении японской моры (минимальной ритмической единицы) со слогом в восприятии носителей русского языка. Для решения поставленной задачи был проведен диагностический эксперимент на определение способов сегментации японских слов носителями русского языка. Для эксперимента

было отобрано 20 слов, некоторые из которых с характерными для японского языка фонетическими особенностями: наличие в слове долгих гласных и долгих согласных (お姉さん *oneesan* старшая сестра, 発見 *hakken* открытие, изобретение), распадающихся при фонетическом членении на две моры, а также использование назального звука [ŋ] (本店 *honten* книжная лавка), считающегося самостоятельной морой. Для эксперимента использовались именно простые слова японского языка, а не звукоподражания (которые могли быть опознаны), что было продиктовано необходимостью снизить возможное влияние семантики на восприятие. Аудиозапись, сделанная с привлечением носителя японского языка, была предложена для прослушивания 25 носителям русского языка, не владеющим японским¹. Предлагалась следующая инструкция: «В записи вы услышите 20 слов неизвестного вам языка, каждое слово будет повторяться 5 раз. Ваша задача — прослушать и разделить слова на сегменты».

Результаты эксперимента показали четкое выделение русскими респондентами в японских словах закрытых (CVC) и открытых слогов (V, CV). Уместно предположить, что студенты опирались на фонетические правила своего языка, так как способность к восприятию не является врожденным свойством человека, а вырабатывается системой его родного языка. Для проверки результатов эксперимента была использована компьютерная программа WaveSurfer [Digital Audio Editor Cross Platform 2011], необходимая для визуализации звуковых потоков и манипулирования ими. Полученные осциллограммы подтверждают результаты психолингвистического эксперимента. В силу того, что две моры изоморфны фонетическому слогу на уровне вос-

¹ Здесь и во всех описанных далее экспериментах участие принимали студенты следующих учебных заведений в возрасте 18-22 года: с японской стороны — 青森明の星短期大 (колледж Аомори Акенохоси Танки Дайгаку, Япония), 京都同志社大学 (Киотский Университет Досися Дайгаку, Япония), а также сотрудники разных фирм в возрасте 22-30 лет; с русской стороны — студенты ДВГГУ, г. Хабаровск, АГАО им В. М. Шукшина г. Бийск, ТОГУ, г. Хабаровск, ДВГУПС, г. Хабаровск. Общее количество респондентов с обеих сторон составляет около 550 человек.

приятия слов носителями русского языка, при анализе материала основных экспериментов мы опирались на слоговое членение японских лексем.

Следующая серия диагностических экспериментов была направлена на определение уровня распознавания звуковых оболочек слов при непосредственном восприятии отдельных звукоподражаний неродного языка. В качестве материала использовалось 17 русских звукоподражаний, соответствующих звукам живой и неживой природы. Носители японского и русского языков должны были обозначить то, как они услышали то или иное слово, предъявляемое в записи (женский голос). Русским респондентам предлагалось использовать для транслитерации русские буквы, а японским — транскрипцию Romaji, в основе которой лежит латинский алфавит. Предлагалась следующая инструкция: «Прослушайте каждое слово пять раз и запишите его в транскрипции». В роли респондентов привлекались по 40 реципиентов с каждой стороны.

Анализ результатов двух экспериментов показал, что в большинстве случаев звуковые оболочки слов неродного языка достаточно хорошо воспринимаются респондентами, однако были выявлены и некоторые особенности восприятия. Во-первых, в виду специфики сегментации японского языка, которая не предусматривает употребление согласного звука в изоляции (за исключением [ŋ]), восприятие закрытых слогов русского языка у японских респондентов вызывает затруднение, например *тук-тук* / *tonton*. Японцы добавляют к единичному согласному звуку гласные [u] или [i], чтобы «дотянуть» его до структуры открытого слога, соотносимого с морой, и облегчающей восприятие на слух. В качестве примеров можно привести слова: *тик-так* / *chikutaku*, *кан-кан* / *potapota*, *ква* / *kero*. Данное явление вполне объяснимо, поскольку при восприятии звуков неродного языка человек склонен ассимилировать их со звуками родного или выделять сегменты таким образом, чтобы услышанное соответствовало типичной фонотактической структуре родного языка. Во-вторых, русские респонденты не улавливают долготу (удвоение) согласного звука в японских звукоподражаниях и при-

сваивают ее предшествующему гласному звуку, например, в таких словах, как *dokatto* / бац и *kakko* / ку-ку. Кроме того, японский звук [ɾ], независимо от его позиции в слове, воспринимается русскими респондентами по-разному: как /p/, /л/ и даже как /ð/. В работе это явление связывается с произносительной особенностью данного звука в японском языке, так как он представляет собой нечто среднее между русскими /p/ и /л/. При произнесении, у некоторых японцев он похож на русский звук /ð/, например, в таких словах, как *ginin* / динь-динь и *karakara* / ха-ха-ха.

Следующий блок экспериментов посвящен выявлению эмотивности в японских и русских звукоподражаниях. В виду того, что исследование связано с изучением иконизма именно в процессе восприятия звукоподражаний, автор обращается к гипотезе, согласно которой первичный механизм языко-творчества, возникший в глубокой древности, полностью не утрачен, а сохраняется на уровне подсознания в генетической памяти [Трофимова 2011]. В то же время, считается, что процесс номинирования обеспечивается присутствием эмоций [Шаховский, электронный ресурс].

В работе выдвигается предположение, что однонаправленная эмотивность является своеобразным подспорьем при определении значений однозначных звукоподражаний одного языка носителями других языков. В основу эксперимента был положен модифицированный метод семантического дифференциала Ч. Осгуда, который подкреплялся статистической обработкой с применением математической формулы. В качестве материала были использованы отобранные методом сплошной выборки 23 звукоподражания русского и японского языков, соотносимые по плану содержания. Оценка эмотивности выявлялась в два этапа: сначала у носителей родного (соответственно японского и русского), а затем — неродного языка (японского и русского). Информантам было предложено заполнить форму, состоящую из пяти колонок, опираясь на следующую инструкцию: «В первой колонке указаны звукоподражания, в остальных — требуемая оценка данных слов в форме прилагательных-антонимов. Оцените слова по указанным критериям, но при этом

постарайтесь опираться на звучание. Заполните все пять колонок, указав впечатления от каждого звукоподражания. Например, если слово вызывает положительные эмоции, то ставьте знак “+”, если нейтральные, то “0”, а если отрицательные, тогда ставьте знак “-”». В каждом единичном эксперименте участие принимало по 54 носителя русского и японского языков.

Полученные результаты были приобщены к данным следующей серии экспериментов по перекрестному восприятию звукоподражательных слов в японском и русском языках, направленных на выявление уровня межъязыкового иконизма. В данном случае, организация эксперимента была основана на предположении о том, что узнавание испытуемыми иноязычных звукоподражаний будет осуществляться за счет опоры на иконические свойства предложенных лексических единиц, что позволит сделать вывод о представленности этих свойств в звукоподражаниях исследуемых языков.

В качестве материала были отобраны 17 русских и японских звукоподражаний, соотносимых по плану содержания. Слова входили в группу из 23 звукоподражаний, которые ранее предъявлялись японским и русским респондентам для определения оценки эмотивности. Каждое звукоподражание для эксперимента было озвучено носителем русского языка (женский голос) и носителем японского языка (женский голос). Каждый стимул воспроизводился пятикратно с внутренним интервалом в три секунды и внешним в пять секунд. В качестве реципиентов выступили 54 человека с каждой стороны.

Обобщение материала позволило выявить следующие факторы, влияющие на уровень опознавания звукоподражаний по исследуемым языкам.

1. Звукоподражания, в которых соотношенность по значению поддерживается высокой степенью корреляции по звучанию: а) высокий уровень опознавания иноязычных звукоподражаний носителями японского и русского языков: *rinrin* / *динь-динь* — 98% и 61%, *kokko* / *ко-ко-ко* — 96% и 90%, *potapota* / *кап-кап* — 83% и 79%, *kokekoko* / *кукареку* 91% и 79%, возможно обусловлен, во-первых, близостью звуковых оболочек слов, а во-вторых, ассоциациями с какими-либо лексическими единицами родного языка, высту-

пающими в качестве подсказки (ко-ко-ко); б) достаточно высокий уровень опознавания японских звукоподражаний русскоязычными респондентами при более низком опознавании русских звукоподражаний японцами: *tonton / тук-тук* 70% и 5%, *chokichoki / чик-чик* 81% и 41%. По-видимому, низкий уровень опознавания носителями японского языка русского слова *тук-тук* обусловлен тем, что структура закрытого слога с конечным согласным [k], не характерна для японского языка. Аналогичное объяснение применимо и ко второму случаю со звукоподражанием *чик-чик*; в) достаточно высокий уровень опознавания русских звукоподражаний японскими респондентами при более низком опознавании японских звукоподражаний русскими: *бум-бум / bonbon* и *му-му / то:то:*. Противопоставленность русских звуков /y/ и /o/ оказывается не значимой для носителей японского языка, о чем свидетельствуют данные диагностического эксперимента, проведенного ранее.

2. Отсутствие или низкий уровень корреляции между русскими и японскими звукоподражаниями по звучанию: *бац / dokatto*, *ни-ни-ни / чу:чу:*, *мяу-мяу / нуа:нуа:*, *хрю-хрю / би:би:*, *гав-гав / wanwan*, *ква-ква / kero'*, *кря-кря / gaagaa*: а) низкий уровень опознавания звуковой оболочки звукоподражаний неродного языка при несоответствии звуковому проявлению в собственном языке: *хрю-хрю / би:би:*, *ни-ни-ни / чу:чу:*; б) низкий уровень опознавания звукоподражания из-за структурного несоответствия единиц: *ква-ква / kero'*; в) высокий уровень опознавания звуковой оболочки звукоподражаний неродного языка при частичной корреляции звуковых оболочек слов: *мяу-мяу / нуа:нуа:*. Эксперимент на опознавание показал, что респондентам неизвестно значение данного звукоподражания в русском языке.

Явление иконизма можно рассматривать с двух точек зрения: системно-структурной и антропоцентрической. Данное исследование опирается на оба подхода. Системно-структурный анализ заключается в описании акустико-артикуляционных свойств звуков и их соотнесенности с эмотивностью: в русском языке данные представлены в работах А. П. Журавлева, а в японском получены по результатам экспериментальных исследований Л. Смита,

Дж. Брача, С. Хамано, Х. Кубозоно, С. Кавахары, К. Синохары, Ю. Утимото. Антропоцентрический подход реализуется в анализе материала психолингвистических экспериментов, результаты которых представлены ниже.

С целью выявления уровня межъязыкового иконизма в звукоподражаниях японского и русского языков, а также для определения степени влияния эмотивности на опознавание значения, мы сопоставили данные психолингвистических экспериментов на соотносительность звучания со значением с оценками эмотивности. Результаты были объединены в две группы относительно параметра совпадения / несовпадения оценки эмотивности. Дальнейший анализ данных показал, что по степени опознаваемости носителями неродного языка звукоподражания можно разделить на три группы: с низким, средним и высоким уровнем (см. Таблицу 1).

Таблица 1
Соотнесения уровня опознавания с направлением эмотивности

Процент узнаваемости	Совпадение эмотивности		Несовпадение эмотивности	
	японские звукоподражания	русские звукоподражания	японские звукоподражания	русские звукоподражания
низкий уровень 0-35%	chu:chu: (8%) potapota (25%) bu:bu: (9%) bonbon (19%)	пи-пи-пи (13%) кап-кап (21%) хрю-хрю (30%) бац (20%) ха-ха-ха (14%)	dokatto (13%) kero' (21%) karakara (19%)	кря-кря (0%) тук-тук (5%)
средний уровень 35-70%	ga:ga: (40%) mo:mo: (43%) wanwan (47%) nya:nya: (45%)	чик-чик (41%) ква-ква (45%) бум-бум (63%) мяу-мяу (45%) динь-динь (61%)		гав-гав (38%)
высокий уровень 70-100%	chikutaku (83%) kokekoko (91%) rinrin (98%) tonton (70%) chokichoki (81%)	тик-так (79%) кукареку (79%)	kokko (96%)	му-му (82%) ко-ко-ко (90%)

Совпадение направления эмотивности.

Низкий уровень узнаваемости. Все девять звукоподражаний были опознаны, но с разным процентным показателем. Общий признак, который характеризует слова данной группы, — это отсутствие одинакового фонетиче-

ского оформления одного и того же явления в двух языках, например, *chu:chu:* (8%) и *ni-ni-ni* (13%), *potapota* (25%) и *кан-кан* (21%), *bu:bu:* (9%) и *хрю-хрю* (30%). Исключение может составлять слово *bonbon* (19%), которое, на первый взгляд, близко по звучанию русскому *бум-бум* (63%), однако японский звук [o] у носителей русского языка при восприятии не соотносится с русским гласным /y/, поэтому процент опознавания невысокий — всего 19% (очевидно, по той же причине слово *то:то:* получило всего 43% узнавания, но уже в следующей категории). В данной группе звукоподражаний отмечается низкий уровень межъязыкового иконизма, однако можно предположить, что узнаванию способствует одинаковая эмотивная направленность.

Средний уровень узнаваемости. Для всех звукоподражаний этой группы характерно некоторое фонетическое сходство однозначных звукоподражаний и процент узнавания гораздо выше, чем в предыдущей группе. В данном случае есть все основания предположить, что узнаванию способствовала одинаковая эмотивная окрашенность звукоподражаний, создающая средний уровень проявления межъязыкового иконизма.

Высокий уровень узнаваемости. Очевидно, что для таких слов, как *rinrin* (98%) и *chokichoki* (81%), а также двух пар звукоподражаний: *chikutaku* (83%) и *тук-так* (79%), *kokkokko* (91%) и *кукареку* (79%) высокий процент опознавания обусловлен близким фонетическим оформлением в обоих языках. Исключение составляет звукоподражание *tonton* (70%), которое, по мнению японских респондентов, не соотносится с русским *тук-тук*. Таким образом, можно говорить о высоком уровне межъязыкового иконизма в данной группе звукоподражаний и влиянии эмотивности на опознавание слов, хотя и в меньшей степени, чем в предыдущей группе. Следовательно, основным фактором проявления межъязыкового иконизма является фонетическое сходство.

Несовпадение направления эмотивности.

Низкий уровень узнаваемости. Данная категория представлена следующими звукоподражаниями: *тук-тук* — с самым низким уровнем опознаваемости в 5%, а также *dokatto* (13%), *karakara* (19%) и *kerō'* (21%) с более

высоким уровнем опознавания. Звукоподражание *кря-кря* опознано не было. Хотя в данной группе слов явление межъязыкового иконизма не наблюдается, отмечается присутствие внутриязыкового иконизма, что, очевидно, наиболее явно выражено у русского звукоподражания *тук-тук* и японского *kerō*.

Средний уровень узнаваемости. Звукоподражание *гав-гав*, попавшее в эту категорию с 38%, как мы уже знаем, было услышано носителями японского языка как [gau-gau], что не соотносится с японским *wanwan*. Скорее всего, реципиентов «оттолкнул» отрицательный ореол составляющих его звуков. Однако узнаваемость осуществляется за счет близости природного стимула и реакции в форме звукоподражания.

Высокий уровень узнаваемости. В данной категории всего три звукоподражания: *му-му* (82%) и соотносимая пара *kokko* (96%) и *ко-ко-ко* (90%). Все слова были опознаны с достаточно высоким процентом, но несовпадение оценки эмотивности можно объяснить различием языковой картины мира русских и японцев. Так, *му-му* было оценено положительно носителями родного языка, что вполне очевидно, так как у русских респондентов с коровой связаны приятные ассоциации, а у носителей японского языка, судя по результатам эксперимента, наоборот, неприятные. То же самое можно отметить и у звукоподражаний *kokko* и *ко-ко-ко*, опознать которые не составило труда для носителей другого языка. В данном случае, опознавание базируется на ярко выраженной близости звуковых оболочек при различной эмотивности.

Таким образом, можно сделать вывод, что на опознавание звукоподражаний неродного языка влияет прежде всего высокая степень соотнесенности по фонетическому составу. Один и тот же характер эмотивности, хотя и влияет на опознавание, но в гораздо меньшей степени. Отсутствие или низкий уровень опознавания свидетельствует об отсутствии или незначительном уровне межъязыкового иконизма при наличии внутриязыкового, если исходить из предположения, что изначально данный класс обладает иконическими свойствами.

В диссертации также представлены результаты психолингвистического эксперимента, направленного на обнаружение соотнесенности звукоподражаний японского языка с обозначаемым ими объектом. С этой целью были отобраны 20 звукоподражаний класса *gumaijo*, передающих состояния или характеристики как одушевленных, так и неодушевленных предметов, психологические состояния и физические явления, такие как わくわく *wakuwaku* ‘трепетать’, すべすべ *subesube* ‘скользкий, гладкий’, もじゃもじゃ *tojatoja* ‘косматый’ и др. Данные звукоподражания представляют различные тематические группы и не имеют фонетической пары в русском языке. В качестве информантов выступили 82 носителя русского языка. Предлагалась следующая инструкция: «В записи вы услышите 20 звукоподражательных слов неизвестного вам языка, каждое слово будет предъявлено пятикратно. Ваша задача подобрать для данных звукоподражаний аналоги в русском языке из предложенного списка и объяснить, почему выбрали именно этот вариант».

При интерпретации полученных результатов выяснилось, что процент опознавания данной группы звукоподражаний японского языка носителями русского языка не очень высок, что, отчасти, объясняется «незвучащей» спецификой самого материала. Тем не менее, наиболее узнаваемым оказалось звукоподражание そよそよ *soyosoyo* (рус. *с шелестом*) — 23%, которое у информантов вызвало ассоциации с «шуршанием». Еще одно звукоподражание получило достаточно высокую (20,7%) степень опознания — がしゅん *gashan* (рус. *звук разбивающегося стекла*). В данном случае узнавание, по-видимому, происходит за счет ассоциаций с резкостью движения, особенно выделенной тонизацией второго слога, что может соответствовать действию разбивания стекла. Респонденты отметили, что звук [ʃ̣] является «холодным» и «неприятным», а некоторые из них ассоциировали японский звук его с русским словом *цзынь*, напоминающим шум разбивающегося стекла.

Такие слова, как はあはあ *ha:ha:* (рус. *ыхтеть, задыхаться*) и ばさばさ *basabasa* (рус. *быть сухим, крошиться*) опознали 18,3% респондентов. Рассматривая первое звукоподражание, стоит упомянуть о том, что в японском языке одним из установленных значений звука [h] является «дыхание». Кроме того, звук [h] в сочетании с последующим гласным [a] дает четкое звуковое воспроизведение тяжелого дыхания, что и было подмечено носителями русского языка. Интересно отметить, что при произнесении слова ばさばさ *basabasa* звук [s] явно превалирует по резкости звучания над начальным [b], а в японском употребление звука [s] во второй позиции закреплено за значением ‘трение, мягкий контакт’. Таким образом, можно предположить, что и русские реципиенты смогли уловить данные признаки значения, отражающие не языковые, а внеязыковые явления, что и породило ассоциации, связанные с крошением, трением.

Результаты эксперимента свидетельствуют о проявлении универсального признака — межъязыкового иконизма, что, по-видимому, обусловлено наличием непосредственной связи звука и значения и соответствует второму типу иконизма по В. фон Гумбольдту: «подражание ни звуку, и ни предмету, а некоторому внутреннему свойству, присущему им обоим».

В **Заключении** подводятся общие итоги проделанной работы и указываются основные перспективы исследования, связанные с необходимостью расширения материала за счет привлечения звукоподражаний китайского, корейского и монгольского языков. С учетом результатов, уже полученных на материале русского и японского языков, появится возможность исследовать не только межъязыковой иконизм, но и универсальный. Один из насущных вопросов, связанных с иконизмом, это — зависимость / независимость уровня иконизма в сравниваемых языках от их типологических особенностей. Кроме того, расширение языкового материала позволит осветить круг вопросов, связанных с влиянием разных языковых систем на характер восприятия, а также с зависимостью данного процесса от сформированной в языке карти-

ны мира человека. В настоящее время подготовлен и подан в РГНФ коллективный проект, направленный на решение указанной выше проблемы.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

***В ведущих рецензируемых изданиях (журналах),
включенных в Перечень ВАК Минобрнауки РФ:***

1. Кривошеева, Е. И. Экспериментальное исследование восприятия японских звукоподражаний носителями русского языка [Текст] / Е. И. Кривошеева // Мир науки, культуры, образования. — Горно-Алтайск, 2011. — № 6 (31). — Часть I. — С. 301-303.

2. Кривошеева, Е. И. Экспериментально-теоретическое исследование восприятия русских звукоподражаний носителями японского языка [Текст] / Е. И. Кривошеева // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). — 2014. — № 7. — Т. 2. — С. 260-267.

3. Кривошеева, Е. И. Экспериментальное исследование фоносемантических свойств звукоподражаний русского языка при восприятии носителей японского языка [Текст] / Е. И. Кривошеева // Вестник Тихоокеанского государственного университета. — 2014. — № 3 (34). — С. 195-202.

***В материалах международных научно-практических конференций
и сборниках научных трудов:***

4. Кривошеева, Е. И. К вопросу о мотивированности звукоподражаний [Текст] / Е. И. Кривошеева // Актуальные проблемы востоковедения: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы востоковедения: диалог цивилизаций», 25 марта 2009 г. / под ред. М. В. Осиповой. — Вып. 2. — Хабаровск: ДВГГУ, 2010. — С. 123-124.

5. Кривошеева, Е. И. Анализ контекстуального употребления онома-топозитических слов японского языка [Текст] / Е. И. Кривошеева // Русский язык в системе межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. по мат-лам меж-

дунар. лингвокультуролог. форума «Язык и культура: мосты между Европой и Азией» / под ред. В. Н. Завьялова. — Хабаровск: ДВГГУ, 2010. — С. 35-40.

6. Кривошеева, Е. И. Подбор эквивалентов перевода оноματοпоэтической лексики японского языка в русском языке и оценка их адекватности [Текст] / Е. И. Кривошеева // Художественный текст: варианты интерпретации: труды XVII Международной науч.-практ. конф. (г. Бийск, 24-25 мая, 2013 г.). — Бийск, 2013. — С. 92-103.

7. Krivosheeva, E. Iconicity and its representation in Japanese onomatopoeia [Электронный ресурс]: Proceedings of the 18th Conference of the Japanese Studies Association of Australia. — Canberra, The Australian National University, 2014 (ISBN: 978-0-9750321-2-1 from 10th February 2014). — Режим доступа: <http://japaninstitute.anu.edu.au/projects/jsaa2013/papers>.

8. Кривошеева, Е. И. Определение соотнесенности звукоподражаний японского языка с обозначаемым объектом в условиях психолингвистического эксперимента [Текст] / Е. И. Кривошеева, Е. Б. Трофимова // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: Языковой знак в аспекте синхронии и диахронии: труды VI Международной науч.-практ. конф. (г. Бийск, 6-8 октября, 2014 г.). — Бийск, 2014. — С. 56-62.

Кривошеева Елена Игоревна

**ПРОЯВЛЕНИЕ ИКОНИЗМА В ЗВУКОПОДРАЖАНИЯХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯПОНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

Тираж 120 экз.

Отпечатано в ГОУ ВПО ДВГГУ

680000, Россия, г.Хабаровск, ул. К.Маркса, 68

Подписано в печать 26 января 2015г.